

УДК 81'373.2

*Ю.А. Гурская**

ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности антропонимии тюркского происхождения в аспекте этнолингвистических отношений, существовавших на территории Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. Зафиксированы процессы взаимовлияния, унификации антропонимических систем на полиэтнической территории.

Ключевые слова: антропонимы, ономастика, собственные имена, языковые и культурные контакты.

В настоящее время актуальной является проблема исследования фамилий – наследственных семейных именовании как особого лингвокультурного феномена, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Особую значимость анализ ономастических материалов может сыграть в изучении языковых контактов, поскольку, ономастическая система с течением времени становится своего рода хранилищем реликтов древности [1, с. 12].

В XIV–XVIII вв. на землях Великого княжества Литовского (ВКЛ) проживали разные народы и этнические группы, которые использовали собственный язык или диалект одновременно с канцелярским языком, что приводило к языковой интерференции [2], взаимному сближению, результатом которого стала коммуникативная общность ВКЛ [3, с. 14]. Лингвистический анализ татарской антропонимии данных территорий может дать важный материал для изучения процессов языковой и этнической интеграции пришлого населения в Великом княжестве Литовском. Однако проблема функционирования онимов тюркского происхождения в контексте этнолингвистических отношений на землях ВКЛ остается недостаточно изученной, что определяет актуальность данной работы.

Начало интенсивной татарской колонизации на землях ВКЛ связывается с деятельностью великого князя литовского Витовта и его походами на татар в 1397–1398 гг., в результате которых в конце XIV в. военные татарские поселения появились около главных политических центров государства: Тракая, Вильно, Крева, Новогрудка, Гродно и Минска с целью быстрой мобилизации войска в случае внезапной военной угрозы. Татарские поселенцы занимались торговлей и ремесленничеством, работали в сельском хозяйстве. Военную службу они проходили в казацких частях при дворе великого князя [4, с. 663–664].

По мнению исследователей, татары, прибывшие на территорию ВКЛ, не были однородной этнической группой. Они использовали разнообразные диалекты и тюркские языки, что явилось, наряду со смешанными браками с местными христианками, одной из основных причин утраты родного языка в преобладающем славянском окружении [5]. Наиболее распространенным среди татарского населения Литвы исследователи считают язык кыпчакской группы, насыщенный турецкими и арабскими заимствованиями, который вышел из употребления в XVI веке [3]. Сохранились

* © Гурская Ю.А., 2014

Гурская Юлия Александровна (julia.gurskaja@mail.ru), кафедра культуры речи и межкультурных коммуникаций, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18.

священные книги и молитвенники (китабы и хамаилы), написанные в середине XVI в. арабским алфавитом на белорусском языке, а в XVII – XIX вв. – на польском, которые отражают черты, присущие другим этнолектам ВКЛ [6].

Процесс формирования татарской антропонимии с самого начала подвергался сильному влиянию славянских языков. Две доминирующие на территории ВКЛ славянские культуры, польская и восточнославянская, оказали значительное влияние на антропонимическую систему татар. Отмечается влияние двух основных структурных моделей: 1) на *-ович*, функционирующей в XV – середине XVI вв.; 2) на *-ский*, которая со 2-й половины XVI в. связывается с возрастающим влиянием польской культуры [7, с. 205].

При описании фамилий тюркского происхождения за основу нами берутся материалы Литовской метрики, передающие документы Великого княжества Литовского XV–XVI вв. [8–13]. Данные источники содержат обширный материал, свидетельствующий о славяно-балто-тюркских языковых и культурных контактах населения ВКЛ на протяжении нескольких столетий. Для сопоставления привлекался также антропонимический материал, собранный экспедиционным путем.

В памятниках XV в. отмечены наименования одним антропонимом в сочетании с этнонимом или указанием на титул в препозиции: *татарину Исламу*, *татарину Абрагиму*, князю *Бахтыяру*; *Кадышу*, *Келдышу*, *Абердею*.

Употребляемые татарами антропонимы подвергались процессам адаптации, в силу чего возникали гибридные наименования: тюркоязычная основа + славянские суффиксы *-ович* и *-ский*. Наиболее частотной является двучленная формула наименования, где в качестве второго компонента выступает патроним с суффиксом *-ович/-евич*, что характерно для исследуемой территории в XV–XVI вв. Зафиксированы следующие типы наименований:

1) татарское имя + патроним от татарского мужского имени: *Баираш Азарович* < тюрк. *Azar* < араб. «помогать»; *Мостофа а Мортуза Азизковичи* < *Азизов* «могущественный»; *Баран Асанович*, *Влан Санчукович* < *Асан* < тюрк. *Asan* ~ *Hasan* < 'Хасан, имя одного из сыновей Али', букв. прекрасный; *Тактажа Ахмат-ович* < *Ахмат* < араб. *Aḥmad* «достохвальный»; *Али Касымович* < араб. *Qasim* «красивый, милостивый»; *Давлен Киревич* – от имени *Кирей-Гирей*; *girej* – «прозвище крымских ханов»; *Абрагим Куткович* < тюрк. *Qutlu* ~ *Qutti* или *Qutlug* ~ *Quttug* 'счастливый' (форма *quttu-guttug* характерна для кыпчакских тюркских языков); *Бузун Тимиревич* < тат. *timir* 'железо, железный' [14, с. 30–32; 256, 100, 128, 232, 215].

Отдельные патронимы образованы от имен двадцати восьми «пророков», взятых Кораном из библейской традиции: *Магметъ Обдуличъ* < *'Abdullāh* «слуга Господа»; *Арам Алиевич* (: 'Alī) – одно из имен Бога «Всевышний»; *Минко Муступич*, *Мустуфичи* < *Мустафа* «Избранный»; *Санчин а Тян Рибердеи Магметовичи* < *Магомед* < араб. *Moḥammed*.

2) христианское имя + патроним от татарского имени: *Васко Солтанович* < *Салтан* < араб. *sultān*; *пану Воитеху Кучук-овичу* < *küçük* 'маленький'; *Щасный Асанович*; *Федьку Мансурову* < *Мансур* < араб. *Manṣūr* 'находящийся под защитой' [15, с. 292–295]; *Янко Бердышевич* < *Берди*: *ber-di* 'он дал'; *Миско Чогайдаевич* < *Çayataj* – тюрк. племенной союз, названный по второму сыну Чингиз-хана < монг. *čayātaj* 'белесый' или от имени *Джагадай* ~ *Чагатай*, в основе которого монг.-тюрк. *džayataj* ~ *čayataj* 'храбрый, честный' [14].

3) татарское имя + патроним, образованный от славянского имени или прозвища: *Воиноша а Бойтыш Богдановичи*; *Осман Некрашевич*, *Махмет Казимирович*, *Иляс Богданьцович*, *Влану Толстому*.

4) христианское имя + патроним от христианского имени: *Олешко Супрунович*, *Семен Глебович*, *Казим Иванович*, *Осан Леонович*, *Азим Степанович*; *Араз Адамкович*.

5) христианское имя + патроним от имени или прозвища славянского происхождения: *Мась Волкович*, *Федор Станькович*.

В рассматриваемых источниках зафиксированы патронимы *Pluralia tantum* в качестве наименования братьев: *Кадыш а Малыш, а Давлет Лукашыныцы; Асань-чук-овичом: Влану брату его Маику а братаничу их Юхну.*

Отмечены структуры: антропоним + антропоним, где второй компонент выполнял функцию патронима: *Улаз Бердеи; Ян Кучюк; Юрзи Булгак.* Единично представлены наименования татарское имя + антропоним литовского происхождения: *Мордасъ Жи-борть: Мордас* < перс. *turdesuj* ‘человек, который обмывает мертвых у мусульман’; *Жи-борть* < лит. *Žy-bartas*, где первый компонент связан с лит. *žygis* ‘поход’, ‘поступок’, ‘подвиг’; второй компонент – с лит. *barti* ‘бранить’, ст.-слав. *branь* ‘битва, бой’ [16, с. 167].

В XV в. у представителей шляхетского сословия появляются фамилии с суффиксом *-ский/-цкий: Халецкому; Остафей Халецкий.*

Татарские имена адаптировались путем присоединения славянских суффиксов: *Алеи-ко, Ад-ко, Куц-ко, Легуш-ко, Олиш-ко, Хас-ко, Хон-ко, Магр-еи, Борзд-ило, Якуб-еи, Воип-оша, Баран-ок, Чарач-ик.*

Зафиксированы также литовские и литуанизированные славянские имена, употребляемые татарами: *Михнели* < лит. *Miknius, Michnius* (Mikolaj) + *-elis; Петюлис* < лит. *Petras + ulis, Стан-юлис* < лит. *Stani-ulis: Stanislav.*

Заслуживают внимания процессы взаимовлияния татарской, славянской и балтийской антропонимических систем. Отмечается функционирование в антропонимах одних и тех же или тождественных по форме суффиксов и финалей (термин А.В. Суперанской), что приводило к явлению конвергенции: тат. *-ук/чук: Аиз-юк, Аин-юк, Бо-юк, Сюнд-юк;* балт. *-ukas:* лит. *Der-ukas, Lab-ukas, Lad-ukas, Rud-ukas;* бел. *Аўс-юк, Бабр-ук, Блізн-юк, Бял-юк, Мац-ук, -ус:* тат. *Ильд-ус, Ур-ус, Юлд-ус, Юн-ус;-us:* лит. *Andzi-us, Laĩm-us, Lāj-us, Mĩtk-us, Rimk-us.* При этом заимствование христианских, славянских и литовских имен, а также моделей наименований славянской культуры, не влекло за собой смену вероисповедания. Многие представители татарского населения благодаря толерантной внутренней религиозно-этнической политике ВКЛ сохраняли ислам [17, с. 327–379].

Вторую группу составляют наименования, включающие имена и патронимы, образованные от прозвищ: *Аусун Абазович* < турец. *abaza* «глупец»; *Тарас Базарович* < *Базар* < из тюрк. *bazar* «рынок» – прозвище у людей, родившихся в базарные дни; *Петр Барашович* < из тюрк. *Baraş* < араб. *farraş* «слуга, уборщик»; *Басмановичи* < *басман* ‘дворцовый хлеб’ из тюрк. *basma* ‘давленный’; *Байраш Болдашевич*, ср. тюрк. *balduz* ‘свояченица, свояк’, ср. русск. рег. *болд-ырь* помесь русск. и калм. овцы; помесь татар, калмыков и др. с русск., метис’; *Михно Букрябич, Евлаш Букревич* – от тюрк. *bükri-bükri* «горбатый, горбун»; *Януш Кадыш* < *qadaş* «родственник, брат», возможна контаминация с монг. *quad* «свойственники»; *Елякиш Кобякович* < *köbäk* «собака»; *Карачевич, Корач*, вероятно, от крымско-тат. *qaraçy* ‘верный слуга, наблюдатель, министр’ или тур. *qaradža* ~ *qaraça* ‘черноватый’; *Корсак Боркула* – из тюрк. *gorsaq* ‘степная лисица; вообще лиса, волк’, тат. *карсак* то же; *Ивашко Кочкар, Матые Кочькаревич* < тюрк. *qoşqar* ‘баран’; *Юсуна Ладышкович* – от славянского заимствования у литовских татар, адаптированному как *ladyka, ladyszka;* *Прич Сара-евич, Сарай, Тан Сарыи* < *sarrāj* «шорник»; *Тактамыш Таньшевич* < тат. *tanyş* ‘знакомый’; *Мандын Телешевич* – от тат. *tilaş* ‘желание’, произв. форма глаг. *tild* ‘желать’ + аффикс имени действия *ş* либо от тат. *tili* ‘глупый, дурной’ + аффикс с уменьш.-ласк. значением *liš* ‘глупыш’; *Богдану Чаликовичу* < тат. *çal* ‘седой (метаф. старик), седоватый’; ‘рыжая или красная масть лошади или верблюда’ [14]; *Федор Колоньтай* < тюрк. *кулунтай* ‘жеребенок’ [18, с. 43].

Часть фамилий образована от арабских слов, связанных с мусульманской верой: *Мацуля Курманчукович* < из араб. *qurbān* «жертва, жертвоприношение» с характерным казанско-ногайским переходом «б» в «м»; *Варлам Рамадан-ович* < *Ramaḍān* «девятый месяц» (месяц поста); *Бахтыяру Сеитовичу* < *saijīd* 'принц, потомок пророка' или *sa'id* 'блаженный, счастливый' [15].

Третью группу составляют наименования, содержащие личное имя и патроним, образованный на базе сложного имени:

Богдану Алибердевичу < *Alla* < араб. *allah* 'Бог' + тур. *ber-di* 'он дал', *Али Алыкучукович*, ср. *Alla* < араб. *Allah* + тат. *küçük* «маленький, молодой»; *Кильдияр Бахтыярович* < из тюрк. *Baxt* < перс. *bāht* 'счастье' + перс. *Jar* < *jar* 'друг, сотоварищ', букв. 'сопутствующий счастью'; *Якуб Келдовлетович* < тюрк. *geldi/keldi* «он пришел» + *давлет* < араб. *dawlat* «удача, счастье»; князь *Мортуза Маликбашич* < *Мелик* < тюрк. *melik* 'король' < араб. 'король, монарх' + тат. *баш* 'голова'; *Асан Шагдавлет* < *Шах* < перс. *šāh* «правитель», *давлет* < *dawlat* «удача, счастье»; *Булгак Сидамет-ович* < *saijīd* 'принц, потомок пророка' или *sa'id* 'блаженный, счастливый' + *Ахмед* 'досто-хвальный' [14].

Четвертую группу составляют наименования, содержащие имя + патроним, образованный от этнонима: *Грин Липчын* < *Липка* (название татар в ВКЛ как результат субституции онима *Литва*); *Тотум Татарин*, *Давыд Турчин*.

Наименования женщин, употребляемые sporadически, также отражают влияние славянской антропонимической системы. В памятниках представлены структуры с формантом *-ова*, образованные от имени мужа: *кнегиня Тактамышовая*, *Мордасовая удава*; *Обдулиная вдова*, *Улановая вдова*.

Наряду с двучленной формулой в документах отмечены и трехчленные структуры, что связано с потребностью более точной идентификации: *Альму Врусу Влановичу*; *Ахмет Влан Асанчукович*, *Иван Александрович Солтан*; *Тургенев Каспор Ыванович*. При этом патронимические наименования на *-ович/-евич* являются в какой-то степени искусственными образованиями, принятыми в официальных документах великокняжеской канцелярии. В частной переписке татары вплоть до конца XVIII в. часто подписывались фамилиями на *-оглы* [19].

Как показывает материал, языковые особенности системы наименования отражают черты, свойственные другим этнолектам ВКЛ: 1) фонетические особенности: протеза *-в-*: *Восмановичъ*, *Вахъметъ*; 2) словообразовательные: *Аин-ишко*, *Алеи-ко*, *Хоч-ушк-ович*, *Дав-ка*, *Хас-ко*, *Магр-ец*, *Мац-уля*, *Борзд-ило*, *Воин-оша*, *Сюнч-ок*, *Асанъ-чук-ович*.

Апеллятивы тюркского происхождения засвидетельствованы также в современных белорусских, польских и литовских фамилиях. Большая часть таких фамилий оформлена по законам данных языков: бел. *Ахматовіч*, *Базарэвіч*, *Кенскі*, *Мордасевіч*, *Мурза-Мурзіч*, *Сулеймановіч*, *Тугановіч*, *Уланоўскі*, *Халецкі*, *Шабуня*, *Эльшэвіч*; польск. *Achmatowicz*, *Bazarewicz*; *Korsakowski*, *Mordasewicz*, *Safarewicz*, *Smolski*, *Tuhanowicz*, *Szabunia*, *Eliaszewicz*, *Urusowicz*; лит. *Bāžaras*, *Bazaravičius*, *Eliāšas*, *Elijōšius*, *Kòrsakas*, *Mòrdusas*, *Saparauskas*, *Sāparis*, *Šābanas*. Фамилии, не адаптированные к славянским и балтийским языкам, встречаются реже: бел. *Аксак*, *Баслык*, *Корсак*, *Салтан*, *Туган*, *Улан*, *Шабан*; польск. *Basalyk*, *Bazar*, *Korsak*, *Szaban*; лит. *Mūrza*.

Часть потомков татарских родов, проживающих на территории Беларуси в настоящее время, носит фамилии белорусского (*Александрович*, *Багданович*, *Раманович*, *Сенкевич*), польского (*Заблоцкий*, *Гембицкий*), а также литовского происхождения (*Довгялло*, *Нарвойш*, *Скирмунт*, *Эйсмонт*), которые появились в результате смешанных браков.

Таким образом, на формирование татарской антропонимии значительное влияние оказала восточнославянская и польская, отчасти литовская антропонимические системы. В проанализированных источниках зафиксированы процессы взаимовлияния, унификации антропонимических систем, функционировавших на полиэтнической территории. Фамилии татарского населения ВКЛ являются ценным лингвистическим материалом, который позволяет углубить знания по этнолингвистике, исторической лексикологии, диалектологии и теории языковых контактов.

Библиографический список

1. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс: Ciklonas, 2003. 196 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. 264 с.
3. Bednarczuk L. Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków: Lexis, 2010. 311 s.
4. Канапацкі І. Татары // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Кадэцкі-корпус – Яцкевіч / рэд. кал. Г.П. Пашкоў (гал. рэд.). Мінск: БелЭн, 2006. С. 663–665.
5. Łapicz Cz. Tatarzy na rozdrożu kultur // Białostoczczyzna. 1986. № 1. S. 9–13.
6. Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс: Вильнюсский гос. ун-т, 1968. 418 с.
7. Dacewicz L. Nazewnictwo tatarów a słowiańska kultura nazewnicza w połnocnej części Wielkiego Księstwa Litewskiego // Мовы Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. (Брэст, 18 – 19 мая 2004 г.) / пад рэд. М.М. Аляхновіча. Брэст, 2005. С. 204–207.
8. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1998. Кн. 3 (1440 – 1498) / подгот. Э. Банионис. 162 с.: ил. С. 51, 62, 144.
9. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 2004. Кн. 4 (1479–1491) / подгот. Э. Банионис. 285 с.: ил. С. 51–52, 55, 62, 64, 87–88.
10. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1993. Кн. 5 (1427–1506) / подгот. Э. Банионис. 285 с.: ил. С. 118, 267.
11. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Мінск: Беларус. навука, 2003. 444 с.: ил. С. 51, 59, 63, 104 – 110, 152.
12. Литовская метрика: отд. первый. Петроград, 1915. Ч. 3. 1378 с. (Русская историческая библиотека, Т. XXXIII): ил. С. 498, 509, 535, 581.
13. Акты, издаваемые Археографической Виленской комиссией для разбора древних актов: в 39 т. Вильна. Т. 14, 1888. 703 с.: ил. С. 226.
14. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
15. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
16. Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuv. kalbos inst., 2008. 840 p.
17. Wiśniewski J. Osadnictwo tatarskie w Sokólskiem i na połnocnym Podlasiu // Rocznik Białostocki. 1989. T. XVI. S. 327– 379.
18. Трубочев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология, 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов: сб. ст. М.: Наука, 1968. С. 3– 53.
19. Jankowski H. Nazwy osobowe Tatarów litewsko-polskich // Rocznik Tatarów Polskich. 1997. № 4. S. 59–90.

References

1. Yurkenas Yu. Basics Baltic and Slavic anthroponimics. Vilnius :Ciklonas, 2003. 196 p.
2. Weinreich U. Language contacts. Status and research problems. Blagoveschensk: BGK named after I.A. Boduen de Courtenay Publ., 2000. 264 p.
3. Bednarchuk L. Language image of the Grand Duchy of Lithuania. Krakow: Lexis, 2010. 311 p. [in Polish].

4. Kanapacki I. Tatars // Grand Duchy of Lithuania: thesaurus: in 2 Volumes. Vol. 2: Cadet corps – Jackiewicz/ Edit.board: G.P. Pashkov (editor in chief). Minsk: BelEn, 2006. 792 p. [in Belarussian].
5. Łapicz Ch. Tatars at the crossroads of cultures // Biaioszczyna. 1986. № 1. P. 9-13.
6. Antonovich A. Belarusian texts, written Arabic script. Vilnius: Publ. Vilnius University, 1968. 418 p.
7. Dacewicz L. Naming Tatars and the Slavic culture naming in the northern part of the Grand Duchy of Lithuania // Languages of Grand Duchy of Lithuania: Proceed. of the IV Intern. Scient. Conf. (Brest, May 18–19, 2004). Brest 2005. P. 204 – 207.
8. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 1998. Book 3: The Book of Records (1440–1498) / prepared E. Banionis. 162 p.: ill. Pp. 51, 62, 144.
9. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 2004. Book 4: The Book of Records (1479–1491) / prepared E. Banionis. 285 p.: ill. Pp. 51–52, 55, 62, 64, 87–88.
10. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 1993. Book 5: The Book of Records (1427–1506) / prepared E. Banionis. 285 p.: ill. Pp. 118, 267.
11. Census troops of Grand Duchy of Lithuania 1528. Minsk: Belarusian science, 2003. 444 p.: ill. Pp. 51, 59, 63, 104 – 110, 152.
12. Lithuanian metrics: Dep. first. Petrograd, 1915. Part 3. 1378 p. (Russian Historical Library, Vol. XXXIII): ill. Pp. 498, 509, 535, 581.
13. Acts issued Archaeographic Commission of Wilno for parsing of ancient instruments. Vilno. Vol. 14, 1888. 703 p.: ill. P. 226.
14. Baskakov N.A. Russian surnames of Turkic origin. Moscow: Science, 1979. 279 p.
15. Unbegaun B.O. Russian surnames: translation from English. Moscow: Progress, 1989. 443 p.
16. Zinkevichus Z. Lithuanian personal names. Vilnius: Lith. Lang. Inst. 2008. 840 p. [in Lithuanian].
17. Wisniewski J. Tatar settlements in Sokolski and North Podlasie // Yearbook of Białystok. Vol. XVI. Pp. 327 – 379. [in Polish].
18. Trubachyov O.N. Of materials for etymological dictionary of surnames in Russia // Etymology, 1966. Problems linguistic geography and interlanguage contacts: proceedings. Moscow, 1968. Pp. 3 - 53.
19. Jankowski H. Personal names of Lithuanian-Polish Tatars // Yearbook of Polish Tatars 4, 1997. Pp. 59 – 90. [in Polish].

*Yu.A. Gurskaya**

SURNAMES OF TURKISH ORIGIN IN WRITTEN MONUMENTS OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA

The structural and semantic anthroponimics' features of Turkic origin in terms of ethno-linguistic relations that existed on the territory of the Grand Duchy of Lithuania in XIV–XVI centuries are discussed in the article. Mutual influence processes, unification of anthroponimical systems are recorded on the multiethnic territory.

Key words: anthroponims, onomastics, proper names, linguistic and cultural contacts.

* *Gurskaya Yulia Alexandrovna* (julia.gurskaja@mail.ru), Department of Culture of speech and intercultural communications, Belarusian State Pedagogical University name of Maxim Tank, Minsk, 220030, Republic of Belarus.